

Короче говоря, когда-то власть и положение этого господина превосходили рафаэлены.

Одно это «когда-то» говорило о многом. У Кромвеля не было прочной опоры, единственной его поддержкой была королевская милость. Жизнь его походила на ходьбу по тонкому льду — один неверный шаг, и пропасть.

И он его сделал.

Дело было не так давно, но для Ричарда II оно стало самым ненавистным — именно Кромвель помог принцессе Анне сфальсифицировать портрет. Он рекомендовал королю и невесту, и художника.

Нетрудно представить, что почувствовал Ричард II, когда, полный предвкушения, в роскошной женской собольей шубе, инкогнито прибыл в Рочестер, дабы узреть красавицу. Где же обещанное «затмит мадемуазель Матт, как солнце затмевает свет луны»? Да он просто нагло врал!

Мадемуазель Матт была ныне знаменитейшей французской оперной дивой, красота её стирала границы между полами и потрясала Европу. И мужчины, и женщины сходили по ней с ума.

Ричард II отдавал себе отчёт, что фраза «затмит мадемуазель Матт» — конечно же, художественное преувеличение, но не ожидал, что преувеличивать будут столь беззастенчиво! Ричард II, подлый до мозга костей, в ужасе бежал той же ночью на корабле обратно в Лондон, заодно возненавидев осмелившегося обмануть его Кромвеля. Рафаэль, до того занимавший вторые роли, воспользовался моментом и взмыл на самую вершину власти.

Кромвель оказался меж двух огней, в безвыходном положении, и мог лишь упрямо тащить свою лямку, скрепя сердце продолжая уговаривать Ричарда II дружбой с протестантскими герцогствами. Он свято верил: стоит лишь сыграть свадьбу, а там уж чувства придут — сближает же совместная жизнь.

Но он ждал, ждал — и дождался вести, что король с принцессой стали побратимами. Это выставило его прежние метания полнейшим идиотизмом, и теперь ему оставалось лишь наблюдать, как его враги празднуют победу.

В конце концов, Кромвель не выдержал. Столько лет верховодя в Лондоне, он давно утратил всякое терпение к посягательствам на свою власть. Он подошёл к Рафаэлю и потребовал: «Тебе нечего сказать?»

Рафаэль с невинным видом переспросил: «Не понимаю, что вы имеете в виду, господин министр. Что я должен сказать?»

— Я полагал, наши разногласия лежат лишь в плоскости борьбы за влияние внутри протестантской партии, но не ожидал, что ты станешь пресмыкаться перед консерваторами! — В молодости Кромвель, дабы взобраться повыше, намеренно и жестоко вредил католикам, или старой партии, консерваторам — называйте как угодно. Ему оставалось лишь выставить себя ярым протестантом, а брак с Клевсом должен был упрочить влияние протестантизма в Англии.

Теперь этот план можно было считать и удавшимся, и провалившимся одновременно. Союзник был обретён, но заслуга миновала Кромвеля.

Кромвель также слышал, будто Рафаэль, дабы укрепить своё положение, даже помог герцогу Норфолку и иным консерваторам вновь приблизиться к Ричарду II, вновь поколебав

королевскую веру.

— Я не понимаю, о чём вы, — на гневную брань Кромвеля Рафаэль не дрогнул и бровью, ибо Кромвель для него уже ничего не значил. К чему считаться с тем, кто скоро умрёт? Рафаэль изящно улыбнулся, слегка склонился и не стал ничего объяснять, лишь сказал: «Вы закончили? Если да, то прошу прощения, у меня есть дела поважнее».

Не дожидаясь ответа Кромвеля, Рафаэль уже повернулся и ушёл — как и говорил, ему было плевать на слова Кромвеля.

Среди этих «дел поважнее» был и лорд Август, ожидавший, когда Рафаэль найдёт его, дабы таинственно сообщить: «У меня есть потрясающая новость. Угадаешь — расскажу».

Подобная уловка могла бы рассердить кого угодно, но только не Рафаэля, ибо он уже угадал: «Ричард сказал, что через несколько дней, когда всё уляжется, выполнит обещанное и повезёт тебя в Олений парк, так?»

— Откуда ты знаешь? — На лице Августа отразилось крайнее изумление. Слишком уж прозорливо.

Рафаэль поднял руку и подушками холодных пальцев дразняще ущипнул Августа за щёку: «А ты думаешь, кто ему напомнил?»

— А-а-а, я хочу жить в Лондоне вечно! Не вернусь в Бристоль! — Август даже серьёзно задумался над осуществимостью сего плана, ибо в Бристолье не было Рафаэля.

Английские короли и королевы оттого всегда были одержимы оленьей охотой.

Что уж там, вся английская аристократия разделяла эту страсть. Простейшая цифра может продемонстрировать масштабы: при населении Англии в несколько миллионов человек на её территории существовало более двух тысяч оленьих парков. Сопоставимое распространение имели разве что церкви — их тоже было повсюду.

Из-за этой странной оленьей мании в Англии даже возникли своеобразные законы, например, «королевская лицензия на оленину». Она просуществовала аж до 1997 года, и живучесть её поражает.

«Королевская лицензия на оленину», по сути, была своеобразной компенсацией от короны тем, кто добровольно или не очень отказывался от права охоты в королевских оленьих парках в Лондоне и его окрестностях.

Обладатели лицензии (в основном дворяне, чиновники и высшее духовенство) могли ежегодно получать определённое количество оленины — разумеется, за плату.

Это также было для дворян способом заработка: они покупали оленину из королевских парков по низкой цене, а затем перепродавали её богатым купцам, не имевшим статуса, но жаждавшим благородства, — и таким образом вполне законно содержали свои немалые семейства.

Август знал об этом так хорошо именно потому, что тоже обладал «королевской лицензией на оленину». Даже не проживая в Лондоне, он не был обделён ни одной из положенных ему «привилегий».

Более того, доход от лицензии составлял в его годовом бюджете весьма заметную сумму.

Столько сказано лишь для того, чтобы объяснить, почему Август так стремился в Олений парк. Точнее, в королевский Олений парк в Лондоне. Получив лицензию, он, без королевского дозволения, не имел права охотиться в королевских парках — это каралось законом.

Например, знаменитый писатель эпохи Возрождения Уильям Шекспир как-то был арестован именно за незаконную охоту на оленя.

Август вполне понимал порыв, что двигал Шекспиром, — он и сам его испытывал, особенно после переезда в Сент-Джеймский дворец. Каждый день, глядя на Сент-Джеймский Олений парк напротив, с его вечнозелёными деревьями, открытыми лужайками и озёрами-болотцами, он терзался духовно.

Охота, видимо, вписана в мужскую природу на уровне костей. Даже будучи в прошлой жизни домоседом, Август испытывал жгучий интерес к преследованию благородного оленя.

Именно к преследованию.

А уж догнать его или нет — это уже другой вопрос.

Девятилетний герцог с тоской взирал в зеркало на свои короткие ножки. Даже самый лихой охотничий костюм сидел на нём как-то странно, вызывая лишь умиление, а шляпа-ток с золотым пером и вовсе выглядела непередаваемо потешно.

Август серьёзно спросил своего консультанта по гардеробу, старого дворецкого: «Я ведь совсем не выгляжу грозно, да?»

<http://bllate.org/book/15929/1423954>